

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 29 марта 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Франции.

14. Предварительная повестка дня (S/22)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Ирана от 18 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря и его же письмо от 18 марта 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/15)²⁰.
б) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 19 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/16)²¹.
в) Письмо представителя Соединенных Штатов Америки от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/17)²².
д) Письмо представителя Ирана от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/18)²³.

15. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

16. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

По приглашению Председателя, представитель Ирана г-н Гуссейн Ала занимает место за столом Совета Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Мне кажется, что, когда позавчера мы закрыли заседание, мы согласились просить представителя Ирана дать ответ на три вопроса, предложенные ему представителем Польши. Прошу начать.

Г-н АЛА (Иран) (говорит по-английски): Мне кажется, что первый вопрос, заданный мне г-ном Ланге, был таков:

«Представитель Ирана сказал нам, что он не получал инструкций о том, чтобы согласиться на отсрочку в рассмотрении дела. Поэтому мой первый вопрос заключается в следующем: получил ли он инструкции о том, чтобы воспротивиться таковой отсрочке?»

²⁰ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2а.

²¹ Там же, приложение 2б.

²² Там же, приложение 2с.

²³ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2д.

Вот мой ответ: Мои инструкции ясны и широки и оставляют на мое полное усмотрение вопрос о тех шагах в Совете Безопасности, какие я найду нужным предпринять для защиты интересов моей страны. О каждом шаге, который я предпринял в этом смысле, я сообщил моему правительству правдиво и безотлагательно. Во всех моих действиях я руководствовался моими инструкциями.

Второй вопрос таков: «Заявление представителя Ирана, которое, как я сказал, было выслушано мною с большим вниманием, упускает из виду одно обстоятельство, имеющее, по моему мнению, первостепенное значение. Это то, что войска СССР приступили к эвакуации Ирана. Заявление представителя Ирана содержит по этому поводу лишь одну краткую фразу, в которой он ссылается на газетное сообщение, правительств которого он, повидимому, подвергает сомнению. Поэтому, ввиду того, что я сам испытывал величайшие затруднения в сношениях с моим правительством, я желал бы задать представителю Ирана второй вопрос, а именно — получил ли он какую-либо официальную информацию о выводе войск из Ирана».

Ответ таков: «Я не имею ни официальной, ни неофициальной информации о том, чтобы какие-либо войсковые части СССР пересекли ирано-советскую границу в направлении СССР. Как я уже сказал, я не сомневаюсь, что войска СССР были выведены из некоторых местностей Ирана, по крайней мере в другие части Ирана. Но это не разрешает вопроса».

Союз Советских Социалистических Республик просил об отсрочке, чтобы можно было возобновить переговоры. Но не может быть переговоров в истинном смысле этого слова в то время, когда иностранные войска все еще находятся в какой-либо части Ирана. По договору 1942 года Союз Советских Социалистических Республик должен был вывести из Ирана все свои вооруженные силы до 2 марта 1946 года. Поэтому, прежде чем отсрочить рассмотрение вопроса по существу, Совет Безопасности должен получить официальные заверения Союза Советских Социалистических Республик Совету Безопасности о том, что войска СССР эвакуируют все части Ирана, включая Хоросан, Мазандеран, Горган, Гилан и Азербайджан, в установленный срок и что эта эвакуация будет выполнена безоговорочно и независимо от какого-либо побочного соглашения или от предвиденных и непредвиденных обстоятельств. За последние дни я получил несколько каблогамм от премьер-министра Ирана, специально подтверждающих его позицию в этом вопросе.

Третий вопрос таков: «В одном из своих сегодняшних заявлений представитель СССР упомянул об официальном интервью, данном премь-

ер-министром Ирана. Если я правильно припоминаю слова представителя СССР, интервью содержало будто бы следующие указания:

а) премьер-министр Ирана подтверждает факт происходящего вывода войск СССР;

б) премьер-министр Ирана не желает, чтобы оказывалось какое-либо внешнее давление на взаимоотношения между правительством Ирана и правительством СССР.

Таким образом, третий вопрос, который я задаю представителю Ирана, это — может ли он подтвердить правдивость заявления представителя СССР».

Мой ответ на третий вопрос таков: На первую часть этого вопроса я только что ответил. Что же касается второй части, о высказанном премьер-министром желании вести переговоры без всякого внешнего давления на взаимоотношения Ирана и правительства СССР, то я полагаю, что он такого заявления не делал; но я бы сказал, что одна из причин, почему премьер-министр Ирана поручил мне передать эти споры на рассмотрение Совета Безопасности, — это как раз его желание быть свободным при выполнении своих обязанностей от давления какого-либо иностранного правительства.

У меня есть еще четвертое заявление относительно вопроса об отсрочке. Я жалею, что мой коллега, представитель СССР, отсутствует, ибо при дальнейшем рассмотрении его просьбы об отсрочке я хотел бы, прежде всего, быть точным и справедливым и предпочел бы, чтобы представитель СССР был здесь и мог непосредственно исправить возможное ошибочное толкование мною позиции его правительства.

На последнем заседании Совета мне пришлось доложить о переговорах в Москве, так как представитель СССР основывал свою просьбу об отсрочке на заявлении, сделанном на двадцать шестом заседании, а именно, что на той конференции — я цитирую его слова — «была закончена важная фаза переговоров между двумя правительствами».

Моя позиция заключается в том, что не должно быть отсрочки, так как переговоры не разрешили ничего. Представитель СССР заявил, что имеется договоренность относительно одного аспекта дела. Я скорее согласен со взглядом, выраженным здесь одним из представителей, заявившим, что в лучшем случае налицо недоразумение.

Вывод войск, который до сих пор имел место, не сопровождался достаточно определенными заверениями, которые могли бы уменьшить напряженное состояние в Иране и в других странах мира; напротив, неопределенный характер этих заверений и указание на то, что непредвиденные обстоятельства могут привести к продолжению оккупации Хорасана, Мазандерана, Гилана, Горгана и Азербайджана, усилили тревогу. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы заверения относительно эвакуации были незамедлительно разъяснены; чрезвычайно важно, чтобы эти заверения были сообщены Совету Безопасности, в чьи руки Иран передал этот вопрос.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): У меня имеется вопрос к представителю

Ирана, если он только согласится на него ответить. Судя по только что сделанному заявлению, иранская конституция не разрешает премьер-министру Ирана вести переговоры в то время, когда иностранные войска находятся в Иране; правда ли это? И если это правда, то каков же тогда характер переговоров, ведущихся будто бы в настоящее время в Иране?

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Это правда, что согласно иранской конституции премьер-министр не может вступать в какие-либо переговоры относительно эвакуации войск из Ирана; вывод войск ни в какой мере не связан с какими-либо переговорами. Вывод войск должен быть безоговорочным.

Что же касается любого другого вопроса, какой может возникнуть и относительно которого премьер-министр пожелает вступить в переговоры, то он может это сделать, но по законам и конституции Ирана обязан получить на то предварительное согласие парламента, а парламента в настоящее время не заседает. Полномочия Четырнадцатого парламента истекли. Новый парламента не был избран и не может быть избран впредь до того, как иностранные войска покинут страну. В последнем парламенте прошел закон, согласно которому невозможны какие-либо выборы, пока иностранные войска находятся в Иране.

Поэтому всякие предложения или переговоры, которые подлежат передаче на рассмотрение парламента, должны быть отложены до того времени, когда иностранные войска покинут Иран и когда станет возможным провести выборы и образовать новую законодательную власть в Иране.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Прежде всего хочу поблагодарить представителя Ирана за его ответы на мои вопросы. Однако мне не совсем ясен один пункт, упомянутый представителем Египта и затронутый в ответе представителя Ирана, а именно пункт, касающийся полномочий премьер-министра на ведение переговоров в то время, когда иностранные войска находятся на иранской земле.

Я читал в газетах и думаю, что это — общеизвестный факт, что премьер-министр Ирана был в Москве и вел переговоры или, если мы не должны применять этот термин, вел «беседы», в то время как войска СССР находились еще на иранской земле. Я хочу знать, нарушил ли премьер-министр иранские законы и вел переговоры, или целью его поездки в Москву было, например, только присутствие на «вечеринке с водкой».

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Я напомню представителю Польши, что поездка премьер-министра Ирана в Москву последовала во исполнение резолюции от 30 января, принятой на пятом заседании Совета в Лондоне²⁴. Он поехал, чтобы достигнуть переговоров между правительством СССР и Ираном, непосредственных переговоров между сторонами в жалобе или споре между Ираном и СССР о вмешательстве гражданских и военных властей, представляющих

²⁴См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, № 1, стр. 36.

СССР в Иране. Целью его поездки в Москву было добиться прекращения этого вмешательства и заключения соглашения, которое полностью обеспечило бы суверенитет и независимость Ирана.

Во время своего пребывания в Москве премьер-министр воспользовался этим случаем и обратил внимание г-на Молотова и маршала Сталина на то, что пребывание войск СССР в Иране будет вызывать затруднения и создавать инциденты и поэтому необходимо, чтобы войска эти были эвакуированы возможно скорее.

Между тем, день 2 марта наступил и прошел, но войска уведены не были, и премьер-министр протестовал и устно и письменно. Естественно и нет никакого сомнения, что его встретили в Москве весьма радушно. Пиля и ели, подавали много водки и икры, но он твердо стоял за независимость своей страны и за основные права Ирана и, не уступая ни по одному пункту, продолжал занимать все ту же позицию. Как я уже объяснил недавно, переговоры ни к чему не привели, ибо зашли в тупик.

Вместо того, чтобы постараться согласиться на просьбу премьер-министра Ирана, правительство СССР выступило с другими *требованиями*, предложив, 1) чтобы войска СССР оставались в определенных районах Ирана, 2) чтобы был обсужден вопрос о нефтяных концессиях и 3) чтобы было признано автономное правительство Азербайджана.

Вот все, что произошло в Москве.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хочу поблагодарить представителя Ирана.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Не желает ли кто-либо из членов Совета задать еще вопросы?

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Могу я удалиться?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представитель Ирана может продолжать присутствовать на заседании.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хотел бы сделать заявление. Представитель СССР дал заверения Совету в том, что СССР уже начал вывод своих войск из Ирана, что правительство СССР намерено вывести свои войска возможно скорее и если только не произойдут «непредвиденные обстоятельства», то увод войск СССР из всего Ирана будет завершен в течение пяти или шести недель.

Представитель Ирана заявил, что спор с Союзом Советских Социалистических Республик есть результат продолжающегося пребывания войск СССР в Иране даже после истечения срока, предусмотренного Трехсторонним договором 29 января 1942 года²⁵, и просил Совет Безопасности рекомендовать безотлагательный и безоговорочный вывод войск.

Представитель СССР заявил, что вывод войск делается по договоренности с правительством

Ирана; но существование подобной договоренности не было подтверждено правительством Ирана.

Заверения, данные Совету Безопасности представителем СССР, не вполне безоговорочны, но могут быть изменены в зависимости от «непредвиденных обстоятельств». Повидимому переговоры по некоторым вопросам между правительством СССР и правительством Ирана еще продолжаются, но Совет не осведомлен о положении, в котором находятся эти переговоры.

Если даже Совет приступит в настоящее время к рассмотрению существа вопросов, затронутых спором между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном, и вынесет рекомендацию о выводе войск СССР, как того требует Иран, то войска СССР не могут быть выведены из Ирана в сколько-нибудь более короткий срок, чем тот, в течение которого правительство СССР выразило намерение их вывести.

Но члены Совета Безопасности должны постараться не дать возможности использовать СССР присутствие своих войск в Иране для того, чтобы повлиять на правительство Ирана или произвести на него давление в его переговорах с правительством СССР.

Если бы Совету удалось получить более полную и точную информацию относительно положения переговоров между правительством СССР и правительством Ирана, Совет мог бы убедиться в том, что заверения правительства СССР относительно безотлагательного вывода войск из Ирана, с точки зрения практической, на самом деле безоговорочны.

В этом случае Совету и не потребуется, быть может, входить в рассмотрение вопроса по существу, при условии, что обе стороны сохраняют за собой право, в случае появления каких-либо новых обстоятельств, могущих замедлить вывод войск, немедленно передать дело в Совет Безопасности.

Я предлагаю, чтобы Председатель Совета попросил Генерального Секретаря постараться получить от правительства СССР и правительства Ирана через их представителей и доложить Совету на его заседании во вторник 2 апреля сведения о настоящем положении переговоров между названными правительствами и в особенности сведения о том, поставлен ли, или нет, вывод войск, о котором сообщают, в зависимости от заключения соглашений между обоими правительствами по иным вопросам.

С получением этой информации Совет будет в значительно лучшем положении для принятия решения о том, какие шаги предпринять дальше.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я присоединяюсь к заявлению представителя Соединенных Штатов, которое вы только что слышали. Я думаю, что предлагаемая им процедура очень хороша. Важно, мне кажется, прежде чем продолжать обсуждение, точно знать, поставлен ли, или нет, вывод войск, о котором имеются сведения, в зависимости от заключения соглашения между обоими правительствами по другим вопросам.

По сравнительно незначительной детали я хотел бы предложить несколько иную редакцию од-

²⁵ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 23.

ной фразы г-на Бернса, которая гласит: «Если даже Совет приступит в настоящее время к рассмотрению существа вопросов, затронутых спором между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном, и вынесет рекомендацию о выводе войск СССР, как того требует Иран, то войска СССР не могут быть выведены из Ирана в сколько-нибудь более короткий срок, чем тот, в течение которого правительство СССР выразило намерение их вывести». Мне кажется, что мысль г-на Бернса будет точнее передана, если вместо «войска СССР не могут быть выведены из Ирана в сколько-нибудь более короткий срок, чем...», мы скажем «вывод всех войск СССР не может быть выполнен в сколько-нибудь более короткий срок, чем...».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Так как это заявление было сделано представителем Соединенных Штатов, я хотел бы знать, что он сам думает о замечании, сделанном представителем Соединенного Королевства.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Это не проект резолюции. Это просто мое заявление; вы можете назвать его речью. Я принимаю поправку к моей речи, так как нахожу эту поправку вполне уместной.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Австралийское правительство стоит за тот принцип, что Совет Безопасности не должен принимать никаких решений без тщательного, упорядоченного и систематического рассмотрения всех относящихся к спору фактов и сведений.

Мы того мнения, что Совет не должен сам обсуждать существа вопроса и, прежде чем он будет готов приступить к таковому обсуждению, должен разрешать формулирование утверждений, опровержений и обвинений, но что с самого начала он обязан требовать подтверждения фактов доказательствами, чтобы иметь возможность прийти к справедливому и беспристрастному решению.

Как члены органа, на котором лежит первейшая ответственность за поддержание мира, мы заседаем здесь для того, чтобы находить решение спорам в соответствии с принципами справедливости и международного права и в интересах Объединенных Наций и всех народов мира.

Поэтому с самого начала мы стали на ту позицию, что от сторон требуется представление исчерпывающих доказательств и что никакого решения не должно выноситься до получения и рассмотрения нами этих доказательств.

И наконец долг Совета, — если он находит это целесообразным и уместным, — запросить информацию и от государств, в этом споре не участвующих. Такой информации мы не получили. Мы не в состоянии определить, кто прав и кто неправ в этом деле.

Австралийская делегация голосовала за постановку этого вопроса на повестку дня, но все наши дальнейшие действия были направлены на получение полной документации и информации.

Что касается данного конкретного предложения, то австралийская делегация считает его целесообразным по следующим соображениям:

Во-первых, в нем принимаются во внимание сделанные заверения и заявления, без попытки вынести какое-либо суждение по данному вопросу.

Во-вторых, этим предложением не приписывается ни той, ни другой стороне какой-либо вины или какого-либо правонарушения. В нем запрашивается информация исключительной важности для Совета, а именно, каково действительное положение переговоров в настоящее время? Запрашивая эту информацию, Совет устанавливает предельный срок для ответа, чтобы не было чрезмерной задержки.

В этом отношении я бы посоветовал г-ну Бернсу сделать свое предложение чуть-чуть эластичнее, назначив сроком 3 или 4 апреля. Ведь если представитель СССР испытывает те же затруднения, что и я, в сношениях со своим правительством вследствие так называемых «магнитных бурь», то я думаю, что на деле для него будет физически невозможно отправить свое сообщение и получить требуемый ответ от своего правительства к 2 апреля. Я предложил бы подумать о продлении этого срока до 3 или 4 апреля.

Отмечу в заключение, что заявлением представителя Соединенных Штатов предусматривается, что, после того как мы получим информацию, мы будем в состоянии ее рассмотреть. По этому поводу я хотел бы обратить внимание Председателя на то, что я оставляю за собой в дальнейшем право внести в надлежащий момент предложение относительно процедуры, которой мы должны будем следовать.

Итак мы принимаем это предложение и надеемся, что оно окажется приемлемым для остальных членов Совета. Вы несомненно заметите, что оно весьма близко к первоначальному предложению, внесенному австралийской делегацией в среду, и что, учитывая ход событий за последние два дня, приходится пожалеть, что Совет Безопасности не нашел тогда возможным принять то, что мы считали благоразумным средним решением между двумя противоположными точками зрения.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я должен поздравить г-на Бернса с его предложением о том, чтобы Генеральный Секретарь обратился к обоим заинтересованным правительствам с просьбой о проверке на месте фактов и сообщении информации.

В самом деле, это как раз то предложение, которое было сделано представителем Австралии и мною в первый же день нашего обсуждения. Я жалею, что нам не удалось тогда поставить его на голосование и что пришлось пройти через все эти дискуссии и даже пережить небольшой кризис в Совете Безопасности, чтобы в конце концов прийти к заключению о том, что нам надо иметь полную информацию от обоих правительств. Поэтому я очень счастлив, что государственный секретарь Соединенных Штатов внес теперь это предложение о том, чтобы мы добыли нужную информацию. Я также очень рад, что это предложение встретило полное одобрение представителя Соединенного Королевства.

Остается еще один второстепенный пункт, поднятый представителем Австралии, относительно

срока. Мне кажется, представитель Австралии предложил другой срок и упомянул о трудностях сношения представителей в Совете со своими правительствами. Я совершенно согласен с тем, что он сказал. Я сам испытываю трудности в этом отношении и, мне кажется, упомянул об этом в первый же день обсуждения вопроса; хотя это могло тогда показаться шуткой, теперь оказывается, что это было весьма обоснованное упоминание.

Повторяю, что я очень обрадован предложением представителя Соединенных Штатов г-на Бернса и ставлю в известность Совет, что он может рассчитывать на поддержку моего правительства в его попытке найти почву для соглашения и решение, приемлемое для всех заинтересованных сторон.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Так как мы обсуждаем идею государственного секретаря Соединенных Штатов г-на Бернса и так как он изъявил желание взять слово, то я охотно уступаю ему свою очередь.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я просил слова только потому, что никто не собирался говорить. Я безусловно предпочел бы, чтобы выступил представитель Нидерландов.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я хотел только сказать, что всецело стою за эту идею. Я думаю, что она превосходна. Я уверен, что она поможет нам разрешить этот вопрос в соответствии с духом и буквой Устава. Поэтому я полагаю, что мы должны приступить к ее осуществлению.

Что касается выбора дня, когда мы соберемся в следующий раз, то я не претендую на большие познания по части магнитных бурь. Я не знаю, знаком ли с этой областью кто-либо еще в Совете. Я не думаю, чтобы мы должны были непременно исходить из предположения, что до 4 апреля произойдут магнитные бури. Поэтому я хочу предложить, чтобы, буде возможно, мы просто остановились на таком дне, который кажется подходящим при нормальных условиях. День, который я имею в виду, — это 2 апреля.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хочу только сказать, что мне жаль, что не могу согласиться с моим другом, представителем Австралии, и с представителем Польши относительно их предложения о дне, когда должны быть представлены необходимые сведения. Я считаю этот вопрос настолько важным, что мы без замедления должны дать ему ход.

Мое первоначальное предложение предусматривало представление доклада 1 апреля. Сегодня утром, в силу различных соображений, которые были здесь высказаны, я решил, что я изменю дату на 2 апреля. Это дает срок в четыре дня, т. е. 96 часов, между принятием этой резолюции и временем представления доклада. Я убежден, что этого достаточно. При отсутствии доказательства, что выполнение этой просьбы физически невозможно, нельзя конечно допустить дальнейшего промедления. Поэтому я должен настаивать на предложенной мною дате.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-английски*): Я буду поддерживать предложение об установлении 2 апреля, как окончательной даты представления Совету Безопасности докладов от обеих сторон. Я голосовал против предложения австралийского представителя, хотя по существу он говорил о том же самом, что и представитель Соединенных Штатов. Но мне кажется, что есть между ними и разница. Австралийским предложением никакой даты не устанавливалось и, поскольку дело касалось дня представления всякого рода документов и доказательств, это предоставлялось усмотрению сторон. Предлагалось только, чтобы информация была представлена в письменной форме, и указывалось, что Совет Безопасности является трибуналом, которому должны быть представлены все документы.

Таким образом, налицо — существенная разница. В том, что касается даты, предложения, внесенные соответственно представителями Соединенных Штатов и Австралии, отличаются друг от друга. Должен указать на то, что если бы мы приняли австралийское предложение в среду, то представитель Ирана не был бы здесь и мы не имели бы всей той информации, которую он нам представил.

Кроме того, в предложении г-на Бернса имеется требование о представлении конкретных сведений, чтобы избежать, если это возможно, дискуссии по существу вопроса, а также чтобы дать возможность обоим правительствам попытаться достигнуть договоренности.

Австралийское предложение заключалось в том, чтобы затребовать письменную информацию на предмет вступления в дискуссию по существу вопроса. Таким образом между сегодняшним предложением и тем, которое мы отклонили несколько дней тому назад, имеется разница в сроке и разница по существу. Я поддерживаю предложение об установлении даты 2 апреля для представления информации.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я также хочу отметить все то хорошее, что нахожу в заявлении государственного секретаря Соединенных Штатов: это заявление отлично продумано и прекрасно сформулировано; не удивительно, что все члены Совета выразили единодушную готовность принять предложения представителя Соединенных Штатов. Я уверен, что наш Генеральный Секретарь, к которому эти предложения поступят, будет располагать всеми средствами и возможностями для получения необходимой информации, и мы все надеемся, что стоящие перед нами трудности через несколько дней исчезнут и что наша работа сможет продолжаться вплоть до успешного завершения. Это явится хорошим почином для работы нашей Организации в городе Нью-Йорке.

Тем не менее я хотел бы просить вас не допустить того, чтобы какой-то совершенно незначительный вопрос создал новое затруднение, которое впрочем будет затруднением совершенно второстепенного характера.

Представитель Соединенных Штатов указал на соображения, заставившие его остановиться на дате 2 апреля; он сказал, что это дает нам 96

часов на получение информации. Разрешите мне вам напомнить, что в Восточной Европе сегодня не 29 марта, а уже 30 марта. На отправку шифрованных телеграмм и расшифровку ответов требуется время; некоторое время требуется также и на перевод предложений представителя Соединенных Штатов и на их передачу Генеральным Секретарем. Весьма вероятно, что прежде чем мы узнаем, прибыла ли требуемая информация, нам придется ждать вплоть до последнего момента во вторник 2 апреля, и может случиться, что эта информация будет получена только вечером того дня или на следующий день.

Если мы остановимся на дате 3 апреля, то мы можем быть почти уверены в том, что избежим всех этих маленьких неприятных задержек, мною указанных. Кроме того, я не думаю, чтобы между 2 и 3 апреля произошло что-либо сенсационное. Следовательно, цели, поставленные представителем Соединенных Штатов, несомненно будут достигнуты.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мой друг, представитель Франции, говорит, что в то время как здесь сегодня 29 марта, в Восточной Европе 30 марта. Ну что же, через 96 часов, когда здесь будет 2 апреля, в Москве будет 3 апреля. Таким образом желание г-на Бонне будет исполнено.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): У постороннего наблюдателя может создаться впечатление, что весь Совет собрался только для того, чтобы обсуждать даты, и иногда я задаюсь вопросом, присутствую ли я на заседании политической организации или на собрании астрономов. Мы говорили здесь о датах, падающих на разные дни, и о магнитных бурях. Я надеюсь, что мы будем меньше интересоваться датами и думать не столько об астрономии, сколько о политической стороне настоящей ситуации. Ведь в конце концов мы представляем собой политический орган.

Единственной причиной, почему я предложил дату, поддержанную моим австралийским коллегой, был простой акт вежливости по отношению к одному из правительств, к сожалению, не представленному здесь сегодня, правительству, представитель которого настаивает на том, что для подготовки к обсуждению этого вопроса ему требуется некоторое время.

Насколько мне известно, в судебных процессах — кстати, среди нас здесь есть несколько выдающихся юристов, как например государственный секретарь Соединенных Штатов и представитель Египта, — когда представитель одной из сторон просит дать ему некоторое время на подготовку своего выступления в суде, обычно принято соглашаться на его просьбу. Подобным же образом, мой австралийский коллега и я хотели просто оказать известную любезность обеим заинтересованным сторонам, не усматривая особых причин в том, чтобы этого не делать, а лишить этой любезности одну из сторон. Но я не думаю, чтобы это входило здесь в чьи-либо намерения. Что же касается точной даты, то будет ли это 3 апреля или 4 апреля, как предлагает представитель Франции, — я не считаю это важным.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Разрешите мне сказать следующее. Если во вторник после полудня Генеральный Секретарь сообщит нам, что он не мог получить ответа ни от правительства Ирана, ни от представителя Союза Советских Социалистических Республик, Совет Безопасности может решить вопрос о предоставлении сторонам дальнейшей отсрочки, если таковая окажется необходимой. Это можно устроить, и я серьезно думаю, что мы должны теперь согласиться на эту дату.

Г-н ВЕЛЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-английски*): Я хочу лишь в нескольких словах выразить мое одобрение по поводу заявления г-на Бернса. Как можно видеть, Совет единодушен в своем отношении к предложению г-на Бернса. Я убежден, что предложение это увенчается успехом и что на будущей неделе мы сможем, согласно нашему общему желанию, заняться этим вопросом. Что же касается выбора между 2 и 3 апреля, послужившего предметом длительной дискуссии, то для меня это безразлично.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я рад, что сегодняшняя сессия протекает в дружелюбной атмосфере и что у всех хорошее настроение. Я хочу только сказать, что делегация Египта желает поблагодарить делегацию Соединенных Штатов, взявшую на себя труд формулировать такую справедливую и беспристрастную рекомендацию, как та, которую нам предложил г-н Бернс.

По-моему, особая заслуга г-на Бернса заключается в том, что он сумел передать в рекомендации настроения, воодушевляющие всех нас, и примирить все высказанные здесь мнения, выразив все это в надлежащих словах. Я особо благодарен г-ну Бернсу именно за это.

Что же касается даты, то делегация Египта не хотела бы касаться этого вопроса; но из уважения к обеим сторонам я бы предложил, чтобы мы согласились на дату, предложенную нашим французским коллегой, каковая будет несомненно приемлемой для представителя Польши.

Если мы обратимся к представителю Ирана, то он по всей вероятности тоже согласится на эту дату. Если мы спросим, какую дату предпочитает представитель СССР, то он наверняка выскажется за 4 апреля. Я полагаю, что правильным решением и, к тому же, одинаково любезным по отношению к обеим сторонам будет, если мы остановимся на дате 3 апреля; вот почему в этом вопросе я поддерживаю предложение, сделанное французским представителем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если нет более замечаний со стороны членов Совета, я хочу присоединиться к моим остальным коллегам в выражении одобрения предложениям г-на Бернса, единогласно здесь поддержанным. При отсутствии возражений я бы предложил отложить рассмотрение этого вопроса до среды 3 апреля в 11 ч. утра.

Тем временем я попрошу Генерального Секретаря озаботиться получением информации, требуемой согласно предложениям, сформулированным в заявлении г-на Бернса.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-английски*): С чисто процедурной точки зрения обращаю ваше внимание на последний пункт имеющегося текста. В нем говорится: «Я предлагаю, чтобы Председатель Совета попросил Генерального Секретаря постараться получить от правительства СССР...». Так как это заявление стало теперь резолюцией, мы должны вычеркнуть слова «я предлагаю, чтобы».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Разрешите внести поправку. Мне кажется, что я употребил слово «резолюция»; на самом же деле, г-н Бернс сделал только заявление, и это заявление не было поставлено на голосование, поэтому будем называть его просто предложением, а не резолюцией. Во всяком случае оно принято Советом единогласно.

Заседание закрывается в 4 ч. 35 м. дня.